

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

М.И. Каринский

Темное свидетельство св.Ипполита
о философе Анаксимене

Опубликовано:
Христианское чтение. 1881. № 9-10. С. 431-453.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

⊖ Темное свидѣтельство Ипполита о философѣ Анаксименѣ.

У Стобея встрѣчаемъ краткое и мало понятное извѣстіе о взглядѣ философа Анаксимена на движеніе свѣтилъ небесныхъ. По этому извѣстію Анаксименъ утверждалъ, что звѣзды при вращеніи движутся не подъ землю, а около нея. Какъ мы увидимъ далѣе, согласить это извѣстіе со всѣми другими свѣденіями, которыя мы имѣемъ объ Анаксименѣ, на первый взглядъ представляется очень затруднительнымъ. Отсюда естественно возникаетъ подозрѣніе, не закралась ли какая нибудь ошибка въ извѣстіе, сообщаемое Стобеемъ, не представляетъ ли оно одинъ изъ очень обыкновенныхъ случаевъ поврежденія текста. Есть обстоятельство, которое можетъ усилить это подозрѣніе. Въ подложномъ сочиненіи Плутарха *De placitis philosophorum*, авторъ котораго безспорно пользовался тѣмъ источникомъ, каковымъ и Стобей, повидимому, приписывается Анаксимену прямо противоположное мнѣніе о движеніи звѣздъ подъ землю. Правда, извлеченія Плутарха изъ первоисточника обыкновенно менѣе точны сравнительно съ Стобеевыми. Но одно это соображеніе конечно не въ состояніи рѣшить вопроса въ данномъ случаѣ въ пользу Плутарха. Отсюда понятна важность, какую получаетъ то мѣсто въ философуменахъ св. Ипполита, въ которомъ содержится тоже извѣстіе объ Анаксименѣ, что и у Стобея, и притомъ съ нѣкоторымъ разъясненіемъ его. Анаксименъ, читаемъ у св. Ипполита, „говоритъ, что звѣзды не движутся подъ землю, какъ принимали другіе, но около земли, подобно тому какъ около вашей головы вращается шапочка, и солнце скрывается не потому, что бываетъ подъ землю, но потому что заслоняется болѣе высокими частями земли, а также вслѣдствіе болѣе далекаго разстоянія

отъ насъ“. О случайномъ искаженіи текста въ словахъ св. Ипполита очевидно не можетъ быть и рѣчи. Передавая мысль Анаксимена, онъ ясно даетъ понять, что дѣло идетъ о миѣнн, которое отличалось отъ миѣннй другихъ; притомъ же онъ передаетъ сравненіе, которое, конечно, нашелъ въ болѣе древнемъ источникѣ, какимъ пользовался, и которое, нужно думать, употребилъ самъ Анаксименъ для уясненія своего взгляда; онъ разъясняетъ наконецъ, какъ разрѣшалъ Анаксименъ вопросъ о ночной тѣмѣ, возникшей именно влѣдствіе взгляда его на движеніе свѣтилъ небесныхъ не подъ землю, а около земли. Ясно, что мы имѣемъ дѣло со взглядомъ, который дѣйствительно характеризовался выраженіемъ „звѣзды движутся не подъ землею, а около земли“.

Правда, у историка очень смѣлаго въ произнесеніи своихъ речей остается еще средство отдѣлаться отъ свидѣтельствъ Стобея и Ипполита и тѣмъ освободить себя отъ труда разъяснить ихъ. Стобея можно назвать „безсмысленнымъ компиляторомъ“, который не понимаетъ, что передаетъ, а въ свидѣтельствѣ св. Ипполита признать „верхъ подобнаго безсмыслия“ (Röth). Но смѣлому историкѣ скоро было показано, какъ мало умѣстно его рѣзкое сужденіе. Въ первой главѣ второй книги метеорологіи Аристотеля встрѣчаемъ ссылку на древнихъ метеорологовъ, которые учили, что „солнце несется не подъ землю, а около земли и именно около этого мѣста (сѣверныхъ странъ), а дѣлается оно невидимымъ и служитъ причиною ночи влѣдствіе того, что земля высока у сѣвернаго полюса“. Объ Анаксименѣ Аристотель здѣсь не упоминаетъ. Но характеристическія черты астрономической теоріи, на которую онъ ссылается, очевидно, такъ точно совпадаютъ съ характеристическими чертами Анаксименова взгляда по извѣстію Ипполита, что упрекъ Ипполиту, въ безсмысленной передачѣ чужаго миѣнн, самъ теряетъ всякій смыслъ.

Итакъ свидѣтельствомъ св. Ипполита спорный вопросъ между Стобеемъ и Плутархомъ положительно рѣшается въ пользу Стобея. Но здѣсь то собственно и начинается дѣйствительное затрудненіе для историка. Въ чемъ же, спрашивается, состояло миѣнн Анак-

симена? И какъ согласить его съ другими хорошо извѣстными намъ мнѣніями, также принадлежавшими Анаксимену?

Добавочное разъясненіе св. Ипполита относительно положенія солнца во время ночи повидимому, указываетъ путь къ разрѣшенію перваго изъ этихъ вопросовъ. Ночью солнце находится все не подъ землею и, если оно не освѣщаетъ земли, то это потому, что мѣнаютъ возвышенныя мѣста на землѣ и именно у сѣвернаго полюса, какъ поясняетъ Аристотель. Отсюда слѣдуетъ, что ночью солнце съ сѣверной стороны обходитъ землю. Теперь, какъ базалось бы, стоитъ только соединить это ночное движеніе солнца въ одинъ образъ съ видимымъ нами движеніемъ его во время дня, и мы тотчасъ получимъ ясное представленіе о взглядѣ Анаксимена, передаваемомъ Ипполитомъ. Сущность этого взгляда будетъ очевидно состоять въ томъ, что солнце, совершивши въ продолженіи дня свой видимый нами путь съ востока на западъ и дошедши на западѣ до линіи горизонта, не спускается внизъ для того, чтобы совершить подобный же путь по другую сторону земли, а избираетъ окольную дорогу; тотчасъ же у линіи горизонта на западѣ оно поворачиваетъ къ сѣверу, обходитъ землю вокругъ сѣвернаго полюса до востока и здѣсь уже снова поднимается надъ земною поверхностію. Нѣтъ никакой нужды объяснять, какъ дѣтски наивенъ подобный взглядъ, и нисколько не удивительно, что, приписывая его Анаксимену, не могутъ удержаться отъ жесткихъ упрековъ философу, рѣшившемуся его высказать. Несравненно удивительнѣе то, что находились серьезные изслѣдователи, которые рѣшались приписывать Анаксимену подобное возрѣніе. По извѣстіямъ древнихъ, Анаксименъ былъ ученикомъ Анаксимандра, который не предполагалъ никакого искривленія солнечной орбиты. Припомнимъ къ тому же, что вся древность была особенно пристрастна къ правильному круговому движенію и многіе признавали даже, что природѣ небесныхъ свѣтилъ свойственно единственно такое движеніе. Уже эти простые факты должны возбуждать крайнюю осмотрительность, когда дѣло идетъ о приписаніи Анаксимену мнѣнія объ искривленіи солнечной орбиты. Однѣ изъ ученыхъ (Тейхмюллерт.), обсуждая этотъ вопросъ, справедливо ставятъ на

видъ, что въ философіи Анаксимена не было мѣста для представленія о разширеніи земной поверхности безпредѣльно во всѣ стороны, точно также какъ и для представленія о корняхъ земли, идущихъ въ глубь въ безкопечность (какъ это напримѣръ находимъ мы у Ксенофана), что земля была для него тѣломъ, со всѣхъ сторонъ ограниченнымъ, и отовсюду окружена была воздухомъ; такимъ образомъ солнце имѣло совершенно свободный и открытый путь для своего заката подъ землю и для своего движенія подъ землею; какой же въ такомъ случаѣ могъ существовать для Анаксимена поводъ отступать отъ свѣтлаго взгляда Анаксимандра и придумывать ничѣмъ не оправдываемое искривленіе солнечной орбиты? Но можно представить въ защиту Анаксимена доказательство еще болѣе рѣшительное. Въ свидѣтельствѣ Ипполита (подобно какъ и въ извѣстіи Стобея) основная мысль касается вовсе не въ частности солнца; Ипполитъ, подобно Стобею, говоритъ вообще о звѣздахъ. Онъ останавливается на солнцѣ только потому, что сказанное вообще о звѣздахъ должно относиться и къ солнцу, а движеніе солнца ночью не подъ землею, а около земли должно возбуждать особый вопросъ о провхожденіи ночной тьмы. Принявъ разсматриваемое нами толкованіе свидѣтельства Ипполита, мы должны будемъ слѣдовательно предположить, что по взгляду Анаксимена всѣ звѣзды по мѣрѣ своего заката на западѣ тотчасъ же поворачиваются къ сѣверному полюсу. Но постараемся вообразить себѣ этотъ любопытный процессъ. Звѣздный закатъ совершается постепенно въ продолженія ночи на всемъ пространствѣ западнаго горизонта. Поэтому звѣзды, въ началѣ ночи перешедшія границу горизонта ближе къ югу, должны на пути своемъ къ сѣверу постоянно встрѣчаться съ новыми и новыми звѣздами, перешедшими горизонтъ позднѣе ихъ и ближе къ сѣверу; эти смѣшанныя группы, состоящія изъ звѣздъ, занимающихъ на нашемъ небѣ очень отдаленныя другъ отъ друга мѣста, должны, обогнувъ землю съ сѣвера, къ вѣтеру слѣдующаго дня достигнуть восточнаго горизонта. Но выступить въ этихъ смѣшанныхъ группахъ онѣ не могутъ; иначе группировка звѣздъ на нашемъ небѣ измѣнялась бы вся сплозна каждую ночь; язь смѣшанныхъ группъ, одновременно до-

шедших до мѣста, однѣ звѣзды должны выступать тотчасъ же, другія терпѣливо ожидать своей очереди. Картина можетъ быть пригодная для миоблога, но слишкомъ оригинальная. чтобы на ней хоть на одну минуту остановился мыслитель іонійской школы, еслибы онъ даже встрѣтилъ какое нибудь затрудненіе въ установившемся представленіи о движеніяхъ звѣздъ. Если повѣрить извѣстію pseudo-Плутарха о томъ, что звѣзды по Анаксимену прикрѣплены къ твердой поверхности неба.—извѣстію, которое впрочемъ противорѣчить свидѣтельству о томъ же предметѣ Ипполита, то исправленіе пути звѣздъ изъ области чудовищной фантазій перейдетъ въ область физически невозможнаго. Скажемъ ли, что подъ звѣздами, измѣняющими свое теченіе при закатѣ, Аниксименъ разумѣлъ не вообще небесныя свѣтила, а только планеты? Но, во первыхъ, ни въ словахъ Ипполита, ни въ словахъ Стобея нѣтъ ни малѣйшаго намека на подобное ограниченіе; во вторыхъ, въ такомъ случаѣ оказывается совершенно непонятнымъ, по какимъ побужденіямъ челоувѣкъ, который считалъ возможнымъ свободное вращеніе подъ землею звѣзднаго неба. могъ счесть невозможнымъ подобное же вращеніе солнца, луны и планетъ.

Выше мы видѣли, какъ неудобно вовсе отрицать значеніе свидѣтельства Ипполита. Теперь мы убѣждаемся, что столь же неудобно судить о немъ по первому впечатлѣнію.

Ясное пониманіе этихъ трудностей и дѣйствительное стремленіе побѣдить ихъ должно было повести къ новымъ попыткамъ уяснить смыслъ анаксименова мнѣнія, передаваемого Ипполитомъ. Подобную попытку дѣлаетъ въ сравнительно позднѣйшее время уже упомянутый нами Тейхмюллеръ (*Studien zur Gesch. d. Begriffe*. 92—103). Онъ хорошо понимаетъ, что отбросить свидѣтельство св. Ипполита не значитъ разрѣшить вопросъ. Но онъ виѣстъ съ тѣмъ ясно видать, что толкованіе мнѣнія Анаксимена въ смыслѣ только что разсмотрѣнномъ нами, совершенно невозможно. Желая избѣгнуть того и другаго, онъ дѣлаетъ оригинальную попытку доказать, что въ свидѣтельствѣ св. Ипполита приписывается Анаксимену то самое ученіе о движеніи солнца подъ землею, которое повидимому прямо въ немъ отрицается.

Тейхмюллеру кажется, что правильному толкованію свидѣтельства Ипполита препятствуетъ та связь, въ которую ставятъ его съ приведеннымъ выше свидѣтельствомъ Аристотеля и онъ прежде всего старается порвать эту связь. Съ этою цѣлію онъ ссылается на начало той главы Метеорологіи Аристотеля, которая заканчивается извѣстіемъ объ отрицавшихъ подземное движеніе солнца метеорологахъ. Здѣсь Аристотель различаетъ два мнѣнія о морѣ, изъ которыхъ одно приписывается древнимъ мѣологамъ, другое болѣе преуспѣвшимъ въ человѣческой мудрости; первое мнѣніе признаетъ вѣчные источники воды и земли, второе допускаетъ происхожденіе той и другой и возможность полного осушенія моря. Тейхмюллеръ совершенно справедливо замѣчаетъ, что изъ этихъ двухъ категорій лицъ, разсуждавшихъ о природѣ, Анаксимевъ могъ бы быть отнесенъ только къ послѣдней. Установивъ этотъ пунктъ, впрочемъ и безъ того невозбуждающій сомнѣній, Тейхмюллеръ затѣмъ старается уяснить, что воззрѣніе, приписываемое Аристотелемъ въ концѣ главы древнимъ метеорологамъ, т. е. мнѣніе о движеніи солнца не подъ землю, а около земли, можетъ по своему внутреннему характеру стоять въ связи только со взглядами мѣологовъ. Отсюда онъ выводитъ, что подъ древними метеорологами въ концѣ главы Аристотель разумѣетъ древнихъ мѣологовъ, о которыхъ говорилъ въ началѣ ея.

Если же свидѣтельство Аристотеля устранено, то толкованіе свидѣтельства св. Ипполита, по мнѣнію Тейхмюллера, затрудненій уже не представитъ. „Звѣзды движутся не подъ землю“,—это значитъ, что онѣ не погружаются въ океанъ при своемъ закатѣ для того, чтобы водой пройти къ востоку, какъ принимали древніе мѣологи. „Онѣ движутся вокругъ (или около пері) земли“,—это значитъ, что онѣ совершаютъ свободный круговоротъ вокругъ нея. Объясненіе ночи въ извѣстіи Ипполита также получаетъ особое толкованіе примѣнительно къ толкованію движенія звѣздъ. Если бы солнце при своемъ закатѣ потухало въ водѣ, то ночная тѣма не требовала бы особаго объясненія. Но какъ скоро наука пришла къ другой мысли, что ночью солнце не потухаетъ, но продолжаетъ свой круговоротъ по ту сторону земли съ тѣмъ же бас-

скомъ, то она должна была объяснить наступающую ночную тьму. Для этой цѣли Анаксименъ и указывалъ съ одной стороны на отдаленность солнца отъ земли ночью, т. е. по толкованію Тейхмюллера, на то, что оно, находясь позади земли, отстоитъ на цѣлый земной діаметръ далѣе отъ земной поверхности, съ другой стороны на возвышенности, находящіяся на земной поверхности, которыя должны задерживать свѣтъ солнечный.

Такимъ образомъ все въ свидѣтельствѣ св. Ипполита представляется совершенно понятнымъ для Тейхмюллера. Пусть такъ и будетъ. Но вотъ вопросъ: какимъ образомъ двумя совершенно сходнымъ, выраженнымъ почти одними и тѣми же словами извѣстіямъ Аристотеля и Ипполита можно дать не только различный, но даже прямо противоположный смыслъ? Какимъ образомъ одна и таже фраза „несется (у Аристотеля или движется у Ипполита) не подъ землю, а около земли“, отнесенная къ одному и тому же солнцу, снабженная тѣми же самымъ разъясненіемъ ночной тьмы, у одного писателя должна значить, что солнце не совершаетъ правильнаго кругооборота, у другаго, что оно совершаетъ именно такой круговоротъ? Разрывъ связи между извѣстіями Аристотеля и Ипполита обшелся очевидно Тейхмюллеру слишкомъ дорого. Да и основаніямъ, на которыхъ онъ совершаетъ этотъ разрывъ, можно бы пожелать большей прочности. Фактически вѣрно, что Аристотель въ началѣ той главы, въ концѣ которой содержится извѣстіе о древнихъ метеорологахъ, различаетъ ученіе древнихъ мисологовъ отъ ученія болѣе преуспѣвшихъ въ мудрости человѣческой. Но не менѣе вѣрно и то, что извѣстіе о метеорологахъ не стоитъ у самого Аристотеля ни въ какой связи съ этимъ раздѣленіемъ. Оно приводится въ подтвержденіе совершенно частной мысли о возвышенностяхъ на сѣверной сторонѣ земли. Чтобы навести связь, которой нѣтъ у Аристотеля, Тейхмюллеру приходится ссылаться на то, что передаваемое мнѣніе метеорологовъ предполагаетъ безконечность земли и воды, которую признавали мисологи, но не признавалъ Анаксименъ. Но вѣдь и мнѣніе Анаксимена по Ипполиту повидимому предполагаетъ тоже и даже выражено тѣми же самыми словами, а между тѣмъ самъ

Тейхмюллеръ нашелъ возможнымъ растолковать его иначе. Въ томъ то и вопросъ: какъ понимать это мнѣніе, дѣйствительно ли слѣдуетъ его понимать въ томъ смыслѣ, который прежде всего бросается въ глаза. И если мнѣніе метеорологовъ, на которое ссылается Аристотель, дѣйствительно предполагаетъ ученіе о безконечныхъ корняхъ земли, то зачѣмъ обращаться было къ началу главы? Что Анаксименъ не признавалъ безконечности земли и воды, это бесспорный фактъ и изъ этого факта безъ всякой ссылки на контекстъ аристотелевой рѣчи мы имѣли бы въ такомъ случаѣ всякое право вывести, что извѣстіе о метеорологахъ къ нему не относится.

Но оставимъ вопросъ о связи между извѣстіями Аристотеля и св. Ипполита и обратимся къ самому Тейхмюллеру толкованію Ипполитова свидѣтельства. Дѣйствительно ли оно разъясняетъ всѣ недоумѣнія? Оно имѣетъ цѣлю облегчить трудность въ пониманіи этого свидѣтельства, а на самомъ дѣлѣ только переноситъ ее сплона съ одного пункта на другой. Свидѣтельство св. Ипполита содержитъ двѣ мысли, оно говоритъ о движеніи звѣздъ (и солнца) и даетъ разъясненіе ночной тьмы. Толкуя движеніе звѣздъ въ смыслѣ правильнаго круговаго движенія, Тейхмюллеръ избавляетъ Анаксимена отъ упрека въ вздорной теоріи. Но какъ быть тогда съ его объясненіемъ ночи? Если Анаксименъ дѣйствительно принималъ, что солнце ночью бываетъ на сторонѣ обратной земной поверхности, то первая и важнѣйшая причина, почему ночью солнце не свѣтитъ, должна была для него заключаться въ самомъ положеніи солнца позади земли. Самыя простыя, самыя обычныя наблюденія убѣждаютъ cadaго, что поверхность тѣла, которое обращено къ свѣту своею заднею стороною, остается несвѣщенной. И не было даже нужды быть философомъ іонійской школы, чтобы понять, что такое положеніе солнца ночью много важнѣе для объясненія земнаго мрака, чѣмъ отдаленіе солнца отъ земной поверхности на земной діаметръ. Если же Анаксименъ на эту причину бесспорную, важнѣйшую и очевиднѣйшую вовсе не указываетъ и прибѣгаетъ для объясненія ночной тьмы къ причинамъ частію сравнительно менѣе значительнымъ (разстояніе солнца отъ земли),

частію далеко не безспорнымъ и очевидно нарочито придуманнымъ для объясненія этой тьмы (возвышенныя мѣста на землѣ), то ясно, что значеніе важнѣйшей причины такъ или иначе было парализовано его теоріей движенія солнца; ясно, что солнце, по его взгляду, ночью не находилось подъ обратной стороною земной поверхности. Это заключеніе мы должны бы были сдѣлать, если бы Ипполитъ и не говорилъ намъ, что солнце ночью по Анаксимену не бываетъ подъ землею, если бы онъ, передавая анаксименово объясненіе ночной тьмы, не ставилъ его въ связь съ отрицаніемъ движенія солнца подъ землею, если бы этимъ не указывалъ намъ самъ, гдѣ искать отвѣта на вопросъ: почему опущена Анаксименомъ самая ближайшая и важнѣйшая причина ночной тьмы. Но Ипполитъ прямо указываетъ на все это. Какъ же при такихъ условіяхъ толковать извѣстіе его въ томъ смыслѣ, что имъ будто бы не только не исключается, но прямо утверждается движеніе солнца отъ зенита къ надиру? Пойдемъ далѣе. Чѣмъ именно объясняетъ Анаксименъ ночь? Кромѣ сравнительно далекаго разстоянія солнца отъ насъ—еще возвышенностями на землѣ. О какихъ же возвышенностяхъ идетъ здѣсь дѣло? Конечно, не о возвышенностяхъ только въ сѣверной части земли, на которыя и указываетъ не Ипполитъ, а Аристотель. Если положеніе солнца подъ заднею стороною земли не защищаетъ землю отъ солнечнаго свѣта, то возвышенности на одножъ сѣверѣ никакъ не защитятъ ее отъ него: свѣтъ проникаетъ съ другихъ сторонъ. Значитъ, извѣстіе Ипполита нужно растолковать не въ томъ смыслѣ, что Анаксименъ принималъ, что нѣкоторыя части земли возвышены, а въ томъ, что вся земля представляетъ обширную котловину, со всѣхъ сторонъ обнесенную горами. Но можно усумниться, чтобы такая мысль могла быть соглашена съ яснымъ и безспорнымъ свидѣтельствомъ древности, что земля по Анаксимену *τραπέζοειδής, πλαταία*.

Едва ли ключъ къ объясненію темнаго свидѣтельства Ипполита можно найти, идя тѣмъ путемъ, какимъ идетъ Тойхмюллеръ. Вѣрнѣе, намъ кажется, можно искать его въ уясненіи съ одной стороны общаго взгляда древнихъ на систему міра, съ другой тѣхъ

особенностей въ этомъ взглядѣ, которыя по достовѣрнымъ даннымъ отличали Анаксимея.

Если въ звѣздную ночь мы выйдемъ въ открытое мѣсто и взглянемъ на небо, то небо представится намъ полусариемъ, усѣяннымъ звѣздами. Если мы будемъ внимательно слѣдить за звѣздами въ продолженіи ночи, то замѣтимъ, что ихъ положеніе другъ въ отношеніи къ другу остается неизмѣннымъ, но общее ихъ положеніе на небѣ измѣняется. Мы можемъ подмѣтить именно общее движеніе ихъ отъ востока къ западу: звѣзды, стоявшія всего ближе къ западному горизонту въ началѣ нашего наблюденія, съ теченіемъ времени будутъ исчезать за этимъ горизонтомъ и съ тою же постепенностію къ нему съ востока будутъ приближаться другія звѣзды, а на мѣсто послѣднихъ появляться новыя съ восточной стороны горизонта. Древнему наблюдателю это движеніе естественно внушало мысль, что видимая имъ полусфера неба не составляетъ всего неба, что небо представляетъ полную сферу, въ центрѣ которой помѣщена земля и что эта сфера вращается вокругъ своей, проходящей чрезъ землю (воображаемой) оси, т. е. линія, которая проходитъ чрезъ центръ сферы и остается неподвижной при ея вращеніи. Двѣ противоположныя точки небесной сферы, которыми закончивается эта (воображаемая) ось по ту и другую сторону, должны быть очевидно также неподвижны и могутъ быть названы небесными полюсами. Для ясности дальнѣйшаго представленія предположимъ, что земля имѣетъ приблизительно форму куба. Одну сторону ея, на которой находится зритель, назовемъ поверхностію, другую прямо противоположную первой—ея нижнею стороною, сторону, изъ-за которой для наблюдателя восходитъ солнце,—ея восточною стороною, обратную ей—западною, остальные двѣ—сѣверною и южною. Если бы воображаемая ось, вокругъ которой вращается небесная сфера, пересекая землю, проходила чрезъ центры сѣверной и южной ея сторонъ, если бы, сказать иначе, небесные полюсы стояли прямо противъ центровъ сѣверной и южной сторонъ земли, то—такъ должно было казаться древнему наблюдателю—звѣзды, лежащія близъ того и другого полюса, никогда не должны бы были быть видны для зрителя,

расположеннаго на срединѣ земной поверхности, а всѣ видимыя имъ звѣзды должны бы обращаться совершенно правильно, поднимаясь надъ землею съ востока и затѣмъ по мѣрѣ склоненія на западъ опускаясь подъ землю для того, чтобы, совершивъ подобный же путь подъ землею, подняться вновь надъ нею съ восточной стороны горизонта. Но мы можемъ въ своемъ воображеніи представить и другое положеніе небесной сферы въ отношеніи къ земной поверхности. Ось вращанія небесной сферы могла бы проходить чрезъ центры самой земной поверхности и противоположной ей нижней стороны земли. Тогда очевидно одинъ небесный полюсъ, напримѣръ сѣверный, находился бы прямо надъ головою зрителя, другой, южный, въ прямомъ направленіи подъ нижнюю сторону земли. Звѣзды въ такомъ случаѣ не восходили бы надъ поверхностью земли съ востока для того, чтобы спуститься подъ землю на западъ, а половина ихъ, т. е. всѣ звѣзды, относящіяся къ сѣверному полушарію неба, совершали бы полный оборотъ надъ земною поверхностью, дѣлая въ продолженіи сутокъ круги параллельные съ нею на различной отъ нея высотѣ, тогда какъ звѣзды другой половины неба, южной, совершали бы подобные же обороты подъ нижней стороной земли, оставаясь вмѣстѣ съ южнымъ небеснымъ полюсомъ вѣчно невидимыми для наблюдателя, находящагося на земной поверхности. Выше мы сказали, что наблюдатель движенія звѣздъ замѣтилъ ихъ общее движеніе изъ-за восточнаго горизонта на западъ, гдѣ онѣ скрываются наконецъ за горизонтохъ. Однако это не совсемъ точное описаніе явленія для зрителя, живущаго въ южной Европѣ или странахъ на столько же отдаленныхъ отъ экватора по направленію къ сѣверу, какъ и она. Болѣе внимательное наблюденіе убѣдило бы такого зрителя, что восходить изъ-за восточнаго горизонта и закатываются на западъ не всѣ звѣзды, что нѣкоторая часть ихъ и именно на сѣверной сторонѣ неба совершаетъ полный круговоротъ надъ земною поверхностью, не восходя на востокъ и не заходя на западъ. Однимъ словомъ внимательный наблюдатель скоро убѣдился бы, что онъ имѣетъ случай, такъ сказать, промежуточный между двумя характерно отличными другъ отъ друга случаями,

очерченными нами выше. Наблюдаемое имъ движеніе неба происходитъ такъ, какъ будто ось вращенія небесной сферы не проходитъ прямо чрезъ центры сѣверной и южной сторонъ земли, точно также какъ не проходитъ она прямо чрезъ центры земной поверхности и нижней стороны земли. а наискось пересѣкаетъ землю такъ, что сѣверный небесный полюсъ падаетъ на одну изъ точекъ промежуточнаго пространства между крайнимъ сѣверомъ и зенитомъ, а южный между крайнимъ югомъ и надиромъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и правильные круги, совершаемые звѣздами, не перпендикулярны къ земной поверхности и не параллельны въ отношеніи къ ней, а пересѣкаютъ ее наискось, образуя сѣжные углы неравные одинъ другому. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Анаксименъ зналъ все это, такъ какъ уже задолго до его времени греки отлично знали, что звѣзды близъ сѣвернаго небеснаго полюса не восходятъ съ востока и не закатываются на западѣ, а успѣваютъ совершить свой кругооборотъ надъ земною поверхностію. И намъ слѣдуетъ теперь постараться понять, какъ относился онъ къ этому факту, какъ старался объяснить его.

По свидѣтельству древности Анаксименъ считалъ землю широко распростертой и вслѣдствіе этого имѣющей возможность опираться на воздухъ. Очевидно въ основаніи такого взгляда лежало то простое соображеніе, что тѣло очень широкое съ незначительной сравнительно толщиной, опираясь своей нижней широкой поверхностію на воздухъ, встрѣтитъ съ его стороны несравненно болѣе противодѣйствія своему паденію, чѣмъ тѣло какой нибудь другой формы. Отсюда слѣдуетъ, что Анаксименъ не отрѣшился отъ того общаго представленія, по которому *надъ* стороною земли, служащею мѣстомъ наблюденія, находится *верхъ*, куда легкія тѣла по самой природѣ своей стремятся *подняться*, а *подъ* обратною ей стороною — *низъ*, куда тяжелыя тѣла стремятся *падать*. Отсюда дѣлается понятнымъ стремленіе его защитить землю отъ паденія *внизъ*, обративъ ее къ низу широкою стороною, которой она должна опираться на воздухъ. Но при такомъ взглядѣ на верхъ и низъ, Анаксименъ не могъ считать возможнымъ существованіе человѣка ни на одной сторонѣ земли кромѣ той, которая обращена къ верху

и которая была въ его глазахъ стороною дѣйствительно верхней: на всякой другой сторонѣ челоуѣкъ съ его точки зрѣнія не находилъ бы опоры противъ паденія внизъ. Еще болѣе важно, что при такомъ взглядѣ Анаксименъ долженъ былъ призывать единственно правильнымъ, соответствующимъ дѣйствительности тотъ видъ движенія неба, который получается съ верхней стороны земли. Это обстоятельство потому имѣетъ значеніе, что видъ движенія неба въ дѣйствительности долженъ измѣняться смотря потому, съ какой стороны земли наблюдатель смотритъ на него. Представляя себѣ землю шарообразной и населенной на всѣхъ своихъ сторонахъ, мы легко понимаемъ, что чѣмъ далѣе нашъ наблюдатель сталъ бы двигаться въ направленіи къ сѣверу, тѣмъ болѣе для него будетъ расширяться группа звѣздъ у сѣвернаго полюса, совершающихъ полный круговоротъ надъ землею поверхностію, такъ что при дальнѣйшемъ движеніи можно достигнуть такого пункта, гдѣ сѣверный небесный полюсъ окажется прямо надъ головою зрителя и круги, описываемые всѣми звѣздами, окажутся параллельными земной поверхности; точно также мы хорошо знаемъ, что, двигаясь далѣе и далѣе по направленію къ югу, наблюдатель можетъ дойти до такого пункта, гдѣ небо наконецъ будетъ представлять всюду совершенно правильное движеніе съ востока на западъ. Не придавая абсолютнаго значенія верху и низу, мы ясно понимаемъ, что ни одно изъ этихъ представленій не имѣетъ никакого преимущества предъ другимъ. Конечно и какое бы то ни было другое представленіе формы земли не можетъ служить непобѣдимымъ препятствіемъ къ тому, что вообразить себѣ возможнаго зрителя небснаго движенія, который передвигался бы на различные пункты боковъ, реберъ и даже нижней стороны земли и составилъ себѣ понятіе о видѣ движенія звѣздъ, какой получается съ этихъ пунктовъ. Но съ другой стороны безспорно и то, что приписываемая Анаксимену землѣ форма никакимъ образомъ не могла сама собою вызывать мысли о передвиженіяхъ зрителя по всѣмъ сторонамъ земли, и самое положеніе такого воображаемаго зрителя было бы въ его глазахъ, по крайней мѣрѣ съ фактической стороны, безусловно невозможнымъ. Но самое главное состоитъ въ томъ, что всѣ эти разнообразныя впе-

чатлѣнія отъ движенія неба, которыя можно получать съ различныхъ сторонъ земли, не могли для него идти въ сравненіе съ впечатлѣніемъ, получаемымъ съ верхней стороны земли, такъ какъ только въ этомъ послѣднемъ случаѣ образъ могъ отвѣчать дѣйствительности; только на верхней сторонѣ земли, съ его точки зрѣнія, дѣйствительно находящееся *вверху* и созерцается *вверху* надъ головою зрителя, дѣйствительно находящееся *внизу* и относится наблюдателемъ *внизъ* подъ землю, на которой онъ стоитъ. Такимъ образомъ тотъ образъ небеснаго движенія, который получается въ умѣренныхъ странахъ сѣвернаго полушарія и который описали мы выше, былъ для Анаксимена впечатлѣніемъ, получаемымъ на одною изъ пунктовъ той стороны земли, съ которой единственно возможно правильное наблюденіе.

Однако придать абсолютное значеніе этому образу онъ также не могъ. Древняя наука смотрѣла на міръ не исключительно съ точки зрѣнія знанія, но и съ точки зрѣнія художественной, эстетической; она хотѣла видѣть въ немъ воплощеніе идеи порядка, строгой правильности, гармоніи. Мы знаемъ, что ось вращанія небесной сферы, казалось, проходила землю наискось и звѣзды вращались вокругъ земли какъ центральнаго тѣла въ кругахъ наклонныхъ къ поверхности этого тѣла. Очевидно, подобная система космоса не очень гармонировала съ мыслію о строгой правильности, которая должна царствовать въ ней. Съ точки зрѣнія красоты и правильности наклонное въ отношеніи къ землѣ положеніе небесной оси и также наклонное положеніе вслѣдствіе того орбитъ звѣздъ должно было казаться ненормальнымъ, какимъ то неповнятымъ уклоненіемъ отъ нормальнаго положенія неба. Такъ возникалъ вопросъ: чѣмъ объяснить видимый наклонъ небеснаго движенія? Но для того, чтобы могла быть объяснена ненормальность, должно было уже заранѣе быть рѣшено: какое же именно положеніе неба было бы нормально и должно составить исходную точку объясненія. Выше мы разъясняли два возможныхъ положенія неба въ отношеніи къ землѣ, изъ которыхъ каждое повидимому могло бы болѣе удовлетворить идеямъ строгой правильности и симметріи. Сѣверный полюсъ могъ бы стоять или въ зенитѣ и кругообороты всѣхъ звѣздъ

были бы тогда параллельны земной поверхности, или онъ могъ бы находиться на крайнемъ сѣверѣ и всѣ звѣзды тогда съ одинаковою правильностію восходили бы съ востока и закатывались бы на западѣ. Очевидно въ первомъ случаѣ имѣлось бы полное право сказать, что звѣзды не движутся подъ землю, а вращаются около нея, во второмъ слѣдовало бы сказать прямо на оборотъ, что онѣ движутся прямо подъ землю. Извѣстія Ипполита и Стобея такимъ образомъ прямо указываютъ намъ, какому изъ двухъ одинаково повидимому возможныхъ случаевъ отдасть предпочтеніе Анаксименъ; они доказываютъ, что Анаксименъ нормальнымъ считалъ положеніе сѣвернаго полюса въ зенитѣ, а не на глубокомъ сѣверѣ. Но мы должны замѣтить, что эта мысль не только необходима для разъясненія свидѣтельства св. Ипполита; она имѣетъ и другое основаніе въ свою пользу. Анаксименъ относится къ шестому столѣтію до Р. Х. Но мы знаемъ, что философы первой половины пятого столѣтія, примыкавшіе по основнымъ чертамъ своихъ физико-астрономическихъ воззрѣній къ іонійской школѣ, Діогенъ Аполлонійскій, Анаксагоръ Клазоменскій, даже Емпедоклъ, позднѣе атомисты ¹⁾, всѣ были убѣждены, что при нормальномъ положеніи космоса сѣверный полюсъ долженъ былъ стоять въ зенитѣ. Чтобы оцѣнить все значеніе этого факта въ нашешъ вопросѣ, мы должны принять во вниманіе два обстоятельства. Во первыхъ поименованные философы часто сильно расходятся другъ съ другомъ въ мнѣніяхъ по очень важнымъ вопросамъ. Во вторыхъ на нормальное отношеніе небесной сферы къ землѣ не только были возможны два различные взгляда, но тотъ изъ этихъ взглядовъ, который отвергался этими философами, болѣе отвѣчалъ общему впечатлѣнію, которое производятъ на зрителя звѣзды въ мѣстахъ такъ значительно удаленныхъ отъ крайняго сѣвера, каковы мѣста греческихъ поселеній въ Европѣ и Азій. Въ виду всего этого согласіе философовъ пятого вѣка во взглядѣ на нормальное положеніе сѣвернаго полюса въ отношеніи къ землѣ едва ли можно объяснить, не пред-

¹⁾ Геркулътъ Ефесскій былъ по всей вѣроятности противникомъ новыхъ астрономическихъ теорій равно іонійской, какъ и плагаренской школѣ.

полагая, что этотъ взглядъ дошелъ къ нимъ по традиціи отъ послѣдняго представителя юнійской школы въ шестомъ вѣкѣ—Анаксимена. Дошедшія до насъ извѣстія древности не даютъ намъ сколько нибудь опредѣленнаго указанія на причины, какія могли побуждать самого Анаксимена впервые установить такое ученіе о нормальномъ положеніи неба. Но составить о нихъ болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе мы можемъ. Въ Анаксименѣ естественно предположить желаніе согласить, поставить въ наибольшее соотвѣтствіе движеніе неба съ принятой имъ формой земли; но съ широко распростертой и имѣющей незначительную толщину землей, казалось, болѣе гармонировало движеніе, которое огибало бы ея широкую площадь, нежели движеніе, при которомъ звѣзды неслись бы то надъ широкою ея поверхностію, то надъ узкою боковою стороною, то опять подъ широкою нижнею стороною и наконецъ вновь надъ узкою боковою стороною. Правильное круговое движеніе въ глазахъ древнихъ не нуждалось въ объясненіи; но вращаніемъ, которое было бы только круговымъ движеніемъ и личьмъ болѣе и которое поэтому не нуждалось бы ни въ какомъ дальнѣйшемъ объясненіи, для Анаксимена могло быть только круговращеніе, параллельное земной поверхности, такъ какъ только въ этомъ случаѣ тѣло на всѣхъ точкахъ своей круговой линіи остается на одной и той же высотѣ, тогда какъ движеніе отъ зенита къ надиру, вслѣдствіе разясненнаго выше взгляда Анаксимена на верхъ и низъ, должно было представляться ему не просто круговоротомъ, а вмѣстѣ то поднятіемъ вверхъ, то опущеніемъ внизъ, слѣдовательно смѣною такихъ движеній, которыя, будучи допущены, потребовали бы для себя особаго разясненія. Самые верхъ и низъ при такомъ движеніи не имѣли бы для себя никакихъ реальныхъ представителей, никакихъ предметовъ, которые соединялись бы съ ними въ воображеніи и давали бы имъ большую конкретность, опредѣленность, такъ какъ свѣтила небесныя постояннымъ и неустойчивымъ потокомъ проходили бы черезъ нихъ.

Итакъ нормально сѣверный полюсъ, по взгляду Анаксимена, долженъ былъ стоять надъ центромъ земной поверхности и всѣ небесныя свѣтила должны были совершать круги параллельные ей.

Отчего же наблюдение представляет намъ небо въ наклонномъ положеніи? Данныя къ рѣшенію этого вопроса представляетъ намъ опять извѣстіе Ипполита, насколько разъясняетъ оно мнѣніе Анаксимена о происхожденіи почной тьмы. Правда оно въ этомъ случаѣ естественно говоритъ только о движеніи солнца. Но солнце движется (если не принимать въ расчетъ отклоненій его пути, которыя дѣлаются замѣтными только въ очень значительный періодъ времени сравнительно съ суточнымъ круговоротомъ всего неба) также какъ и звѣзды. Поэтому вопросъ: „какимъ образомъ солнце ночью дѣлается невидимымъ, т. е. повидимому опускается за горизонтъ“, заключаетъ неизбежно въ себѣ и общіе вопросы: „почему свѣтила небесныя закатываются или кажутся закатывающимися“, „почему круги, совершаемые свѣтилми небесными, будучи на самомъ дѣлѣ параллельными земной поверхности, въ наблюденіи кажутся наклонными къ ней?“ Вопросъ о почной тьмѣ разрѣшается у Ипполита двумя соображеніями: во первыхъ указывается на возвышенныя мѣста на землѣ которыя находятся на сѣверѣ, какъ поясняетъ Аристотель, во вторыхъ предполагается болѣе далекое разстояніе солнца ночью отъ насъ. Вторая мысль вызываетъ на два предварительныя замѣчанія. Солнце при закатѣ видно также хорошо, какъ и въ зенитѣ; его образъ дѣлается повидимому при закатѣ даже болѣе, чѣмъ въ зенитѣ, и закатъ солнца совершается въ сравнительно очень непродолжительное время и на глазахъ зрителя. Слѣдовательно Анаксименъ не могъ думать, что отдаленіе есть причина самаго заката, т. е. того, что солнце скрывается отъ зрителя. Но въ продолженіе ночи солнце можетъ удаляться отъ насъ болѣе и болѣе и увеличивающаяся постепенно послѣ заката солнца тьма можетъ уже объясняться постепеннымъ удаленіемъ солнца. Очевидно это объясненіе и имѣлъ въ виду Анаксименъ, говоря о значительномъ разстояніи солнца ночью отъ земли. Но удаленіе звѣздъ за горизонтъ не производятъ замѣтнаго вліянія на освѣщеніе земли отчасти вслѣдствіе незначительности свѣта, доставляемаго ими, отчасти потому, что закатывающіяся на западѣ звѣзды замѣняются новыми на востокѣ. Отсюда, казалось бы, слѣдуетъ, что эта ссылка на отдаленность солнца ночью отъ насъ не имѣетъ никакого зна-

ченія для рѣшенія общаго вопроса о движеніи свѣтилъ небесныхъ. Однако поостережемся сдѣлать подобное заключеніе. Дѣло все же идетъ здѣсь о положеніи и движеніи солнца, которыя предполагаются очень похожими на положеніе и движеніе звѣздъ, а поэтому разъясненіе удаленія солнца ночью можетъ оказаться пригоднымъ и при разрѣшеніи общаго вопроса. Другое замѣчаніе касается толкованія мнѣнія объ отдаленности солнца ночью. Исполнить говорить о далекомъ разстояніи солнца ночью не отъ земли и не отъ поверхности земли, какъ хочетъ толковать его Тейхмюллеръ, а „отъ насъ“, и безъ настоящей нужды мы не имѣемъ никакого права точное выраженіе писателя замѣнять другимъ. „Отъ насъ“ это ближайшимъ образомъ отъ тѣхъ, для которыхъ въ опредѣленное время виденъ солнечный закатъ, для которыхъ послѣ заката слѣдуетъ постепенное увеличеніе ночной тьмы, у которыхъ ночная тьма наконецъ достигаетъ извѣстной опредѣленной степени: вѣдь рѣчь и идетъ именно объ объясненіи этой тьмы, которая наблюдалась, и слѣдовательно имѣются въ виду тѣ, которые ее испытывали. Разширить понятіе „отъ насъ“ до понятія „отъ всей земной поверхности“ имѣетъ право только тотъ, кто докажетъ, что Анаксименъ явленіе заката и ночной тьмы считалъ *совершенно тождественными* на всей земной поверхности; въ противномъ случаѣ обязанность осторожнаго изслѣдователя по крайней мѣрѣ задаться вопросомъ: не допускаетъ ли это выраженіе болѣе тѣснаго и болѣе соответствующаго точному смыслу фразы толкованія. И оно его допускаетъ. Точный смыслъ будетъ таковъ: солнце ночью сравнительно далѣе стоитъ отъ того мѣста на земной поверхности, на которомъ мы обитаемъ. Чтобы объяснить эту сравнительную дальность разстоянія солнца ночью отъ извѣстнаго мѣста на земной поверхности, вовсе не нужно предполагать, что центръ земли не составлялъ по мнѣнію Анаксимена центра солнечной орбиты, т. е. что солнце, проходя по одну сторону земли, болѣе приближается къ землѣ, чѣмъ проходя по другую; для этого нужно только тѣхъ „насъ“, о которыхъ говорится, поселить ближе къ одному краю земной поверхности. И такъ какъ Анаксименъ землѣ приписывалъ ширину несравненно большую, чѣмъ толщину, то при

такое толкованіе можно получить даже большее удаленіе солнца ночью отъ известнаго мѣста на земной поверхности, чѣмъ на величину земнаго діаметра, какъ выходитъ по толкованію Тейхюллера. Впрочемъ о взглядѣ Тейхюллера на сравнительную отдавленность солнца ночью не можетъ быть и рѣчи, какъ скоро уяснимъ, что Ипполитъ говоритъ о вращаніи звѣздъ въ кругахъ параллельныхъ земной поверхности. Послѣ этихъ замѣчаній мы можемъ приступить къ разрѣшенію вопроса, какъ объяснялъ Анаксименъ данный въ наблюденіи наклонъ неба.

Представимъ себѣ широкораскинувшееся во все стороны поле; пусть въ направленіи къ сѣверу оно постепенно будетъ возвышаться вплоть до самой своей границы, гдѣ возвышеніе окончится отвѣснымъ скатомъ, такъ что подножіе отвѣса уже не будетъ выше низменныхъ частей поля. На этомъ полѣ, но не въ его центрѣ, а какъ можно ближе къ той его границѣ, которая діаметрально противоположна возвышенности, помѣстимъ зрителя, такъ чтобы возвышенность ограничивала его кругозоръ, заслоня собою предметы, лежащіе за нею. Представимъ далѣе, что все поле вмѣстѣ съ зрителемъ прикрыто огромнымъ прозрачнымъ куполомъ, котораго внутренняя поверхность разрисована изображеніемъ звѣздъ, разрисована вся до самой земли, на которую опирается куполъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ границъ поля. Предположимъ наконецъ, что при помощи какого-нибудь механизма куполъ вертится вокругъ воображаемой линіи, составляющей перпендикуляръ, возставленный изъ срединной точки поля къ вершинѣ купола. Срединная точка внутренней поверхности купола, остающаяся неподвижной, будетъ очевидно лежать не надъ головою зрителя, а далеко отъ него на сѣверь. Такая дальность разстоянія отъ него частей купола, лежащихъ за этою срединною точкою, будетъ скрадывать отъ него ихъ истинную величину, тогда какъ части купола, лежащія надъ его головою и ближайшія къ нимъ будутъ оцѣниваться имъ по своей величинѣ несравненно правильнѣе. Возвышенность, разстилающаяся передъ нимъ къ центру поля и далѣе на сѣверь, даже прямо заслонитъ собою видъ большей части звѣздъ, которыми усѣяна отъ самаго своего подножія часть купола, лежащая по ту сторону срединной его

точки. Круговое движеніе, которое будетъ совершать каждая изъ нарисованныхъ на куполѣ звѣздъ, будетъ конечно параллельно поверхности поля, если отрѣшиться отъ ея неровностей, а между тѣмъ звѣзды, за исключеніемъ лежащихъ ближе къ срединной точкѣ, будутъ дѣлаться невидимыми для зрителя, какъ скоро будутъ поворачиваться на сѣверную сторону, прикрытую отъ него возвышенностію; если поле очень обширно и возвышенность поднимается такъ постепенно, что для зрителя подъемъ неощутителенъ, то скрѣпленіе звѣздъ за нею должно казаться ему опущеніемъ ихъ подъ поверхность, которая расширяется предъ его глазами. Нарисованная нами картина должна дать живое и наглядное представленіе о томъ, какъ Анаксименъ объяснялъ образъ небеснаго движенія, получаемый съ земной поверхности. Наблюденіе неба рисовало предъ нимъ наклонныя въ отношеніи къ земной поверхности орбиты небесныхъ свѣтилъ. Но убѣжденіе въ строгой правильности и симметріи космоса не мирилось съ мыслию о наклонѣ неба, и причины, которыя разъяснены нами выше, побуждали его признать наиболѣе нормальными такіе круговороты свѣтилъ, которые были бы параллельны земной поверхности. При этихъ условіяхъ ему необходимо было признать наклонъ неба мнимымъ и искать средства объяснить, какимъ образомъ параллельные круги въ глазахъ зрителя могли бы превратиться въ наклонные. Но такъ какъ сторона земли, съ которой производились наблюденія, была для него единственною стороною, съ которой можетъ и долженъ представляться правильный видъ космоса, то ему оставалось придумать какія либо совершенно случайныя неблагопріятныя условія въ положеніи наблюдающаго зрителя, которыя бы дали возможность понять, какъ можетъ получаться несоотвѣтственное впечатлѣніе на сторонѣ земли воплоти благопріятной наблюденію. Съ этою цѣлію онъ поощряетъ людей, наблюдающихъ явленія, которыя не подходятъ подъ его норму, не въ центрѣ обширной земной поверхности, а сравнительно ближе къ югу, основываясь на томъ конечно соображеніи, что это объяснить, почему лежащій, по его мнѣнію, прямо надъ средоточіемъ земли полюсъ приходится не прямо надъ ихъ головами, а гораздо далѣе, къ сѣверу. Съ этою цѣлію онъ заставляетъ поверхность

земли возвышаться къ сѣверу въ надеждѣ, что это возвышеніе земли вмѣстѣ съ отдаленностію отъ наблюдателя стороны неба за сѣвернымъ полюсомъ объяснить, почему по ту сторону послѣдняго не видно для наблюдателя такого же огромнаго небеснаго пространства, усеяннаго звѣздами, какъ по эту сторону. Таже причина должна была объяснять въ его глазахъ и закатъ всѣхъ небесныхъ свѣтилъ, появляющихся на небѣ. Солнце какъ и всѣ звѣзды на самомъ дѣлѣ совершаютъ на извѣстной высотѣ круги, параллельные земной поверхности; но возвышенныя мѣста земли на сѣверѣ заслоняютъ ихъ отъ глазъ наблюдателя при совершеніи ими другой половины ихъ орбиты, а увеличившееся разстояніе ихъ отъ него по мѣрѣ приближенія ихъ къ самой сѣверной сторонѣ своего пути препятствуетъ достигать до него лучамъ даже самаго солнца. (При этомъ очевидно предполагалось, что солнце во всю ночь, подобно какъ тотчасъ послѣ своего заката, должно бы было, даже скрывшись за возвышенностію, давать свѣтъ сумерокъ, еслибы разстояніе его отъ наблюдателя не увеличилось). Только звѣзды, находящіяся прямо надъ средоточіемъ земли у сѣвернаго полюса, стоя высоко и описывая небольшіе, не уклоняющіеся далеко ни въ югу ни къ сѣверу круги, проходятъ свои полныя орбиты на глазахъ наблюдателя и должны поддерживать въ немъ убѣжденіе, что и круговращеніе всѣхъ остальныхъ свѣтилъ совершалось бы также сполна на его глазахъ, еслибы онъ помѣстился въ средоточіи земной поверхности и еслибы возвышающіяся къ сѣверу горы не заслоняли части доступнаго ему по его положенію неба ¹⁾. Это мировоззрѣніе

¹⁾ Свидѣніи о древнѣйшихъ философахъ такъ мало, что естественно допустить каждаго извѣстнаго о нихъ дошедшаго до насъ изъ древности, и не отбрасывать какое бы то ни было свидѣтельство въ качествѣ непригоднаго прежде, чѣмъ исчерпаны всѣ средства воспользоваться имъ. Этимъ можетъ быть оправдана помянутая такъ расхожденная мысль Платона, представляющее повидному извѣстіемъ Платона и св. Ипполита, чтобы можно было согласить его съ послѣдними. Платонъ говоритъ, что по взгляду Анаксимена $\alpha\sigma\tau\epsilon\sigma\ \beta\lambda\acute{o}\tau\eta\iota\ \tau\eta\upsilon\ \gamma\eta\ \kappa\alpha\iota\ \lambda\epsilon\upsilon\kappa\acute{o}\ \tau\eta\upsilon\ \gamma\eta\ \epsilon\tau\epsilon\phi\epsilon\tau\alpha\iota\ \tau\alpha\ \dot{\iota}\sigma\tau\alpha\iota$. Это мѣсто можно перевести такъ: звѣзды вращаются надъ землею, а надъ же образцы, какъ (вращаются бы) около земли. Въ такомъ случаѣ мѣсто не можется надѣть здѣсь некое выраженіе мысли, только что высланиной нами въ началѣ статьи. Давидовому естественно было на очевидное, какъ каза ось ему, параллельное одной поверхности круговращеніе звѣздъ, близкойшихъ къ сѣверному полюсу, указывать какъ на образецъ,

очень далеко отъ современнаго. Но мы видимъ, что для своего времени оно не было вздорнымъ. Основная его мысль о положеніи сѣвернаго полюса въ зенитѣ, какъ мы знаемъ, была принята философами послѣдующаго поколѣнія. Правда кажущаяся наклонность въ отношеніи къ земной поверхности орбиты звѣздъ объяснялась ими иначе; она объяснялась по большей части тѣмъ, что земля въ слѣдствіе нѣкоторыхъ физическихъ причинъ наклонилась на южную сторону. Но и въ этомъ объясненіи послѣдующіе философы очевидно не очень далеко ушли отъ Анаксимена. Истинная объясняющая видъ неба съ земли причина осталась та же — болѣе высокое положеніе земной поверхности къ сѣверу, съ тѣмъ только различіемъ, что для Анаксимена это болѣе высокое положеніе было слѣдствіемъ неровностей самой поверхности, а для позднѣйшихъ слѣдствіемъ опущенія внизъ самой земли ея южной стороною. Прогрессъ былъ, конечно: къ мысли объ опущеніи внизъ самой земли обратились не безъ причины. Но къ нашему вопросу эти причины уже не относятся.

Накопецъ дѣлается совершенно понятнымъ и сравненіе вращенія неба у Ипполита съ вращеніемъ шапочки на головѣ, — сравненіе, которое дѣлало много труда толкователямъ. Образъ шапочки, вращающейся вокругъ головы, такъ сходенъ съ образомъ купола, покрывающаго поле и вращающагося вокругъ него, что, послѣ того, какъ мы пользовались послѣднимъ для того, чтобы нагляднѣе представить взглядъ Анаксимена на видимое вращеніе неба, для насъ

по которому можно было составить правильное понятіе и о движеніи остальныхъ звѣздъ, по видимому закатывающихся подъ землю. Поэтому если совершенно согласно съ своимъ мнѣніемъ онъ могъ утверждать, что звѣзды на самомъ дѣлѣ не закатываются подъ землю, а вращаются около земли (Ипполитъ и Стобей), то желая пояснить дѣло съ другой стороны, онъ могъ, также несколько не противорѣчая своему мнѣнію, утверждать, что кажущееся вращеніе подъ землю звѣздъ (послѣ ихъ заката) на дѣлѣ происходитъ также, какъ и вращеніе нѣкоторыхъ планетъ (у полюса) около земли. Болѣе обширный источникъ, которымъ одинаково пользовались Стобей и pseudo-Плутархъ, вѣроятно развивалъ обѣ эти мысли. Стобей выбралъ одну болѣе характерную, Плутархъ другую, которая, будучи выражена въ очень сжатой формѣ и вырвана изъ поясняемаго ея контекста, сдѣлалась темной и по видимому даже противорѣчащей взгляду Анаксимена. Впрочемъ мы никакъ не настаиваемъ на такомъ толкованіи извѣстнаго pseudo-Плутарха.

нѣтъ ни малѣйшей нужды подробно анализировать первый. Правда сравненіе, передаваемое Ипполитомъ, не обнимаетъ всѣхъ частныхъ чертъ Анаксименова взгляда; но оно конечно и не имѣло этой цѣли. Во всякомъ случаѣ оно подобрано такъ хорошо, какъ только можно подобрать, если искать его среди самыхъ близкихъ, для всѣхъ доступныхъ предметовъ.

Такъ разъясняется темное свидѣтельство св. Ипполита о философѣ Анаксименѣ, и объясненіе столько же оправдываетъ св. Ипполита отъ обвиненія въ безсмысленной и невѣрной передачѣ мнѣній, заимствованныхъ имъ изъ болѣе древнихъ источниковъ, сколько и снимаетъ съ философа Анаксимена упрекъ въ недостойной его времени, ни съ чѣмъ несообразной теоріи.

М. Каринскій.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки